

ВОСПОМИНАНИЯ «ДЕТЕЙ ВОЙНЫ» - ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА КРАСНОУФИМСКА

Мальцева Социалина Петровна, 1933 г. р.

Я, Мальцева Социалина Петровна, вспомнила свое трудное детство. Папу, Горелова Петра Дмитриевича, оговорили и забрали в лагерь, как врага народа. И семья осталась без кормильца с мамой, Гореловой Евдокией Алексеевной, с десятью детьми разного возраста. Маму уволили с работы, старших, Нину и Алексея, «попросили» из института, как жену и детей «врага народа». Трудились, как могли, помогая друг другу. Мама не верила в то, что отец враг народа. В гражданскую он войну был комиссаром полка, которым командовал К. К. Рокоссовский. Мама следила за нами и говорила: Ведите себя так, чтобы никто не сказал, что с вас ничего не возьмешь, ведь это дети враги народа». В годы войны маму взяли санитаркой в госпиталь. Мама часто брала меня с собой. Я помогала, как могла: подносила водички раненым, поила их, были и другие просьбы. Один раненый сказал мне: «Дочка моя такая же дома, ты так похожа на нее. Я тебе подарю песню, ты ее выучи и спой нам». На всю жизнь я запомнила эту песню!

Посылка

Принесли мне в землянку посылку,
И повеяло теплом,
И забилося сердце так пылко,
И я вспомнил милый дом.
Адрес краткий на пакете,
В нем написано одно:
Или Мите, или Вите
Или Пете, всё равно.
Я не тот, не другой и не третий,
Но принять подарок рад,
И хочу Вам я честно ответить,
Вот мой краткий адресат.

- Вам спасибо за внимание,
Я хочу спросить одно,
- Кто вы - Таня или Маня
Или Женя всё равно.
Чтобы праздновать вместе Победу,
увидаться надо нам.
Обязательно к вам я приеду,
Но куда не знаю сам.
Где же нашему знакомству
Продолжаться суждено?
Или в Томске, или в Омске
Или в Туле, все равно.

Мои тётя, Фекла Дмитриевна, мама и другие наши соседи собирались на посиделки, когда могли, и вязали носки, варежки и шарфы и отправляли на фронт бойцам в посылке.

Кашин Юрий Сергеевич, 1941 г. р.

Юрий Сергеевич родился 27 сентября 1941 года в г. Красноуфимске в семье Кашиных Сергея Ильича и Марии Петровны, когда уже шла Великая Отечественная война. Отец ушел на фронт 11 сентября, не дождавшись рождения сына. Так случилось, что не суждено было им больше увидеться. Командир эскадрона 80 КД Кашин С.И. погиб при обороне г. Ленинграда в феврале 1942 года.

Шла холодная зима 1943 года. Этот случай Сергею рассказала мама. Оставили его одного. Братья ушли бегать. Холодно, голодно. Я у печки сидел, грелся. Холод, голод дожимал. Из поддувала печки достал золы, наелся. Голод прекратился. Но потом стало мутить и в животе страшные боли. Пришли братья, увидели моё состояние, а я был весь бледный и почти не дышал. Подумали, что умер, и обернули одеялом. Положили в корыто и вынесли в холодные сени. Утром, пришла мама. Увидела меня в сенях. Щечки розовые, отпоила, отогрела. Я снова родился...

Детство свое он называет счастливым, а главным воспитателем – улицу. В то время все дети имели клички: у кого отцы погибли на фронте назывались «безотцовщина»; у кого без вести пропавшие – «предатели»; у кого отцы были на броне или вернулись с фронта считались «на коне» и верховодили остальными.

Навсегда в памяти у него событие, когда в четыре года увидел вместе с соседскими пацанами пленных немцев. Они играли в «муху» или лапту, когда кто-то крикнул: «Немцев ведут!» и всей гурьбой бросились на улицу Красных партизан на берегу Уфы. Расселись прямо на траву, как стая маленьких воробьев. Ребята сидели за кузницей и смотрели, как вели немцев. Они шли гуськом в шинелях серо-мышинного цвета с натянутыми пилотками на уши и лоб. Всего их было около десятка. Пленные немцы шли в сопровождении охраны НКВД. Водили их на работу в Барабу на балластный карьер.

Из своего детства помнит Юрий Сергеевич приезд маршала Жукова с инспекционной поездкой. Инспекция проводилась в расположении воинской части, где работала поваром-инструктором его мама Мария Петровна. Она готовила обеды для пятнадцатой школы, в которой обучали солдат-поваров для интендантской службы в войсках Уральского военного округа. В те годы, с 1948 по 1953 годы Георгий Константинович Жуков был командующим Уральским военным округом.

Это событие было настолько ярким в жизни юного Юры, что он помнит даже блюда, которыми кормили на обед комиссию: борщ, плов с курицей, компот из сухофруктов. Они – дети офицеров, собственными глазами видели самого маршала Победы! А затем провожали глазами уезжающую черную легковую машину, на которой приезжал Жуков.

Сюзева (Голубенцева) Ираида Ивановна (1928 – 2014)

Из воспоминаний Ираиды Ивановны: «До войны с правого берега реки Уфы, где стоял наш дом, в котором жила наша семья на ул. Интернациональной, № 142, - это «односторонка», выходящая на берег реки, на другой берег ходил паром.

Напротив нашего дома на другом берегу стояла большая кузница, где подковывали лошадей.

Мост деревянный с «фермами» – арками был построен еще до войны и мы, дети, по нему ходили на тот берег в лес за ягодами и грибами.

Движение транспорта по мосту было односторонним, а по обе стороны были пешеходные тротуары с невысокими деревянными ограждениями-перилами. Во время войны в центре мост был разрушен – деревянные доски обветшали, поэтому только ходили пешком, транспорт не ездил.

Было это в конце лета 1941 г. Мы с подругой – ровесницей Маргаритой Серебренниковой в конце дня возвращались из леса с грибами. За нами по дороге вдалеке шла колонна военных со стороны деревни Крылово, они шли строем и пели песни. Мы поспешили пройти мост.

События того страшного дня потрясли нас, детей, и я помню о них по сей день. По реке шел сплав леса. И бревна образовали некий затор, уперлись в сваи деревянного моста. Встали «дыбом», и мост трещал. В это время шли военные по мосту. Помню, прошли две кухни и большинство солдат, были военные пешие и верхом на лошадях. Треск все усиливался. И вдруг мост обрушился, и люди, кони, еще одна кухня оказались в реке. В это время плыли и бревна. Я была на берегу. А мой младший брат Володя уже сидел в лодке у берега, он там, бывало, целые дни проводил. Солдаты были в полном обмундировании, за плечами с вещевыми мешками. Мы с братом быстро отчалили от берега на веслах и стали помогать выбираться солдатам из воды. К нам в лодку забралось двое солдат, кто-то держался за борта лодки. Потом мы еще поплыли, за борт лодки уцепился солдат, у которого за плечами был вещмешок и еще что-то тяжелое металлическое, какое-то оружие. Он был жив, но ему было плохо. Таким образом, мы спасли несколько человек. Я видела, как тонули некоторые солдаты, они кричали о помощи, слышно было страшное, тревожное ржание лошадей. Как стало известно через несколько дней, возле Нижней Сараны всплыли и были извлечены на отмель несколько тел солдат и коней.

Артамонова Тамара Николаевна, 1937 г. р.

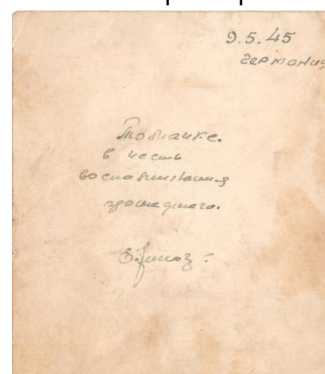

Моя судьба сложилась так, что я не видела войны, но всего 6 км разделяло фашистов и село Ново-Дубовое, где мы жили. До сих пор помню звуки взрывов, запах гари. Курско - Орловская дуга проходила недалеко от нас. Во время бомбёжки прятались в бомбоубежище. Видели не раз, как падали сбитые самолёты. А однажды на окраине села упал сбитый немецкий самолёт. Мы видели лётчика. Молодой белокурый солдат с голубыми глазами. Из-под каски сочилась кровь. Умирая, он шептал: «Муттер, муттер».

В нашем селе располагалась лётная эскадрилья. Мы подружались с лётчиками. Особенно мне запомнился их командир – Иельшев Иван Ильич. Вечером нас с Тamarой (6-летней подружкой, эвакуированной из Москвы) бойцы приглашали в столовую. Помню вкуснейший вкус и запах гречки, а ещё нам давали маленькие коробочки с круглым шоколадом. Как потом признался Иван Ильич, мы были для них своеобразным талисманом. Вскоре после Победы он прислал письмо из Самарканда, выслал и фотографии. Храню её до сих пор.

В нашем селе располагался и госпиталь этой лётной эскадрильи. Мы помогали медсёстрам: поили солдат, вытирали пот с их лица, держали флакончики с йодом, помогали обрабатывать раны. Не забыть ссохшиеся губы раненых и их слабый голос: «Доченька, пить!». Стоит мне закрыть глаза, и перед глазами висит множество бинтов, которые бесконечно перестирывали санитарки. Уже тогда я решила стать медиком. После окончания Воронежской фельдшерско- акушерской школы была направлена в Свердловскую область.

Навсегда запомнился труд сельских учителей. Мама была учителем. Не было садика, мы с сестрой выросли на полу под последней парты. Не легче было тем, кто работал в поле, своих ребятишек брали туда. Как выжили? Что давало силы нашим мамам? Светлая им память!

Открытка с фронта. Текст: «Томачке, в честь воспоминания о прошедшем. 9.5.1945,

Истомина Лидия Семёновна, 1937 г. р.

В годы войны мы с классом пришли в госпиталь петь песню «Тёмная ночь» для раненых солдат. Там я и познакомилась с командиром зенитной батареи, его все так и называли «Командир». Меня закрепили ухаживать за ним, и он всегда просил петь ему песни. Набравшись смелости, я спросила: «А как там на войне?». «Про войну я тебе ничего не расскажу, а расскажу про рыжего кота», – ответил он.

Вот что он рассказал:

Мы с отрядом зашли в разрушенную немцами деревню, в которой не было ни единой души. На завалинке дома увидели маленького рыжего котенка. Накормили его и взяли с собой в батарею. Кот прижился и расположился к себе солдат. Во время полётов немецкой авиации мы заметили за котом особенность. За несколько минут до появления вражеских самолётов он начинал рычать в ту сторону, с которой затем появлялись немецкие самолёты. Мы, зная эту особенность, были почти всегда готовы к атаке противника. Однажды кот начал рычать в сторону тыла. «Не может быть,- подумали мы,- ведь там наши – русские». Но мы доверились инстинкту кота и развернули зенитку в ту сторону, куда он рычал. И вдруг видим: появляется наш самолёт, а за ним вражеский. Так, благодаря Рыжику, мы атаковали врага и спасли нашего лётчика!

Ракитов Владимир Васильевич, 1956 г. р.

На всю жизнь, Владимир Васильевич, запомнил стихи, которые читал ему отец, Ракитов Василий Сергеевич, фронтовик, дошедший до Берлина.

Ночь артиллерийской бури.

До наступления оставалось пять минут. Над черным озером весна и звезды.

От переправ по берегу идут пропаханные танками борозды,
За танками орудий частокол уходит вдаль, идет до края света, сомкнув щиты,
Прижался к стволу ствол, лишь тишина дежурит у лафета.
И только плеск береговой лозы и шорох ветра слушает равнина.
За пять минут до боевой грозы, умолк плацдарм победы у Берлина.
В траншеях немца огненная мгла. Ночь тяжело легла на бруствер бурей,
Не верится, чтобы могла так хладнокровно дожидаться бури.
Стоит Берлин во тьме ночной и ждет сигнала грозовой побудки.
К стене траншеи, прислонясь плечом, бойцы докуривают самокрутки,
По - фронтовому огоньки в руках: солдаты курят перед жарким боем.
Герои многих битв и переправ стоят в траншее плотным строем,
Сдувая пепел с толстых папирос, затяжками ладони обжигая.
И вспоминают, что увидеть привелось, в Берлин шагая.
Мелькал крылатый свет зарниц, летел в могучих перегонках,
Скользил по нашим скулам лиц и по рябой воде в воронках.
Дрожи, Берлин, молись, Берлин!
Как в наковальне в небесах стучали танки жаркой стали –
Иванов грозных голоса Берлину приговор читали.
Трясло прибрежные поля. вздымая пыль, сдвигая камни –
Вот - вот не выдержит Земля и брызнет лавою вулкана.
Но бой не признавал преград. Закон снарядной силе верит,
В Берлине в это время, говорят, качались люстры и скрипели двери.
Невиданный жестокий бой, слились косматые разрывы,
В огне разрывов плавился металл, искрился брызгами электросварки.
Сюда к траншеям нашим долетал и землю с наших брустверов
Сметал артиллерийский ветер бури жаркой.
Но мы глядели пристально вперед, глаза от света острого прищуря,
Мы любовались, как дробит и рвет рубеж врага невиданная буря.
27 мая 1945 г.

Ракитов Владимир Васильевич. 1925 г. р.

*В 17 лет ушёл на фронт,
воевал на первом
Белорусском фронте.*

Материал предоставлен музеем «Красноуфимская земская больница», филиалом ГБПОУ «Свердловский областной медицинский колледж».